

УДК 343.72(091)

Уголовная ответственность за мошенничество в сфере кредитования по отечественному законодательству: исторический аспект**Мкртчян С.М.**Ассистент кафедры уголовного права
Волгоградского государственного университета

В статье представлены результаты анализа эволюции отечественного уголовного законодательства в части положений, определяющих основания и пределы уголовной ответственности за кредитное мошенничество. Сделан вывод об отсутствии историко-правовых предпосылок введения в УК РФ статьи 159.1. Приведены законоположения памятников отечественного законодательства различных периодов, на которые надлежит обратить внимание законодателю в целях совершенствования дифференциации уголовной ответственности за мошеннические действия в кредитной сфере.

Ключевые слова: заёмные отношения, кредитование, мошенничество, мошенничество в сфере кредитования, историко-правовые предпосылки, памятники древнерусского и дореволюционного уголовного законодательства.

Многие учёные, посвящавшие свои научные труды исследованию признаков тех или иных преступлений, уделяли пристальное внимание истории развития уголовно-правовых средств борьбы с ними. Размышляя об общеисторическом значении мошенничества, И.Я. Фойницкий писал: «Полнота юридического анализа преступления необходимо предполагает исследование его как цельное жизненное явление, во всей его полноте и под влиянием различных условий; а не зная прежней участи и физиономии мошенничества, мы рискуем принять случайное за существенное, произвольное за необходимое для него» [1, с. 21]. Соответственно, объективно оценить значимость ст. 159.1 УК РФ для противодействия мошенническим действиям в сфере кредитования невозможно, если не выяснить, были ли для этого необходимые историко-правовые предпосылки и насколько вписывается указанная статья в общую канву эволюции положений уголовного законодательства, устанавливающих ответственность за мошенничество.

Область заёмных отношений с давних времён на Руси позиционировалась как самостоятельная сфера, защищаемая с помощью правовых средств, в том числе и от хищений. По мере формирования кредитных отношений таковой становится и сфера

кредитования. Однако до включения в действующий УК РФ ст. 159.1 в российском уголовном законодательстве не было положений, указывавших на то, что мошенничество, совершаемое в данных сферах, признавалось законодателем менее опасной разновидностью хищения в форме мошенничества, чем мошеннические действия, осуществляемые в иных областях.

Сказанное не опровергает и ознакомление с содержанием тех положений памятников российского права, которые посвящены ответственности за недобросовестное поведение заёмщиков. В некоторых случаях соответствующие деяния при их внимательном изучении оказываются влекущими те же последствия, что и иные хищения. К примеру, согласно статье позднейших списков Пространной редакции Русской Правды «О человеце» лицо, обманом получившее деньги и пытающееся скрыться в другой земле, не может пользоваться доверием так же, как и вор («Аже человек полгав куны у людей, а побегить в чужу землю, веры ему не иняти, аки и татю») [2, с. 128]. По нашему мнению, это самое раннее упоминание о получении займа путём обмана, которое при этом приравнивается к хищению. В.О. Ключевский, комментируя приведённое положение, отмечал: «Это преступление приравнивается

по презумпции к татьбе, а не к торговой несостоятельности, несчастной или какой-либо иной, наказуемой несходно с татьбой» [3, с. 378]. И уподобление рассматриваемого в данной статье деяния татьбе, и указание законодателя на стремление виновного скрыться от кредитора в чужой земле (свидетельствующее об изначальном нежелании возвращать долг), и способ обмана («полгав куны», т.е. «выманить деньги обманом» [3, с. 378]) позволяют провести параллель между статьёй «О человеце» и ст. 159.1 УК РФ. Между тем в указанном положении Русской Правды нет никакого намёка на смягчение наказания для виновного. Об этом недвусмысленно говорит приравнение последнего к татю.

Другие законоположения, на первый взгляд, предусматривающие уголовную ответственность за противоправные действия заёмщиков, в действительности были посвящены признакам преступных деяний, имевших абсолютно иную природу, чем нынешнее мошенничество в сфере кредитования. Несмотря на то, что в ст. 15 Краткой редакции Русской Правды иногда усматривают прообраз состава мошенничества, подчёркивая наличие в деянии, регламентируемом ею, умысла виновного на хищение и корыстную цель, исходя из фразы «<...> а он ся начать запираги» [4, с. 97], на самом деле в указанной статье, как и затем в ст. 47 Пространной редакции Русской Правды [5, с. 28], устанавливалась ответственность (материальная в совокупности со штрафом в пользу князя) вовсе не за хищение, а за длительную неуплату долга. «Если окажется, что должник злонамеренно не отдавал <...> деньги, как следовало по условию, – толкует соответствующее положение Ю.П. Титов, – то с него взыскивается 3 гривны штрафа» [6, с. 5]. Древнерусский законодатель, следовательно, отнюдь не приравнивает здесь злого неплательщика к вору, мошеннику, татю, как это он делает в статье «О человеце». Скорее в упомянутых статьях различных редакций Русской Правды можно видеть прототип ст. 177 УК РФ, но никак не ст. 159.1. На первый взгляд, может показаться, что несколько напоминает статью 159.1 статья 206 Соборного уложения 1649 г. «А будет кто у кого, – предупреждает законодатель, – возьмет денег займы или чего ни будь для торговли, и тот долг истеряет своим безумием, пропёт или проворует каким ни будь обычаем, а сыщется про то допряма, а окупится ему будет нечем, и его отдать ищю головою до ищупу же» [7, с. 32-33]. Однако при внимательном изучении указанной статьи становится понятно, что она имеет абсолютно иную природу, чем интересующая нас статья УК РФ. Так, в тексте Соборного уложения понятие «воровство» употреблялось в различных смыслах, охватывая собою, в том числе, и преступления вообще, и даже непроступные деяния [1, с. 32-33], следовательно, нет оснований придавать глаголу «проворует» то

значение, которое сегодня соответствует глаголу «похитить». Кроме того, ст. 206 содержалась не в гл. XXI «О разбойных и татиных делах», объединяющей корыстные преступления против собственности, а в гл. X «О суде», и предназначалась для обеспечения возвратности долга и тем самым решения восстановительных задач правосудия. Не удалось обнаружить признаки хищения и в п. 3 ст. 273 Устава благочиния или полицейского 1782 г., согласно которому учинение неоплатного долга рассматривалось во всех случаях как преступное деяние и наказывалось так же строго, как особо квалифицированная разновидность мошенничества [8, с. 382]. Таким образом, ст. 206 Соборного Уложения и п. 3 ст. 273 Устава благочиния скорее предназначались для охраны общественных отношений, обеспечивающих нормальное течение процесса несостоятельности, нежели для охраны имущества кредиторов от преступных посягательств в форме мошенничества.

В свою очередь, ст. 35 Устава вексельного 1729 г. («А ежели кто под руки кого-нибудь в векселях подпишетца и тем или иным образом зделает воровски вексель <...>» [8, с. 437-438]) и ст. 1511 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных имели гораздо больше сходств с нормами современного уголовного закона, предусматривающими ответственность за подделку документов, нежели за хищение денежных средств кредитной организации. Последняя из названных статей, к примеру, устанавливала уголовную ответственность за подлог при займе из государственных или общественных и частных кредитных установлений [9, с. 487]. Указанная норма располагалась в гл. XII «О нарушении постановлений о кредите», размещённой в разделе VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния», следовательно, сам законодатель не относит данное преступление ни к мошенничеству, ни вообще к преступлениям против собственности. В структуру данного состава преступления не были включены обязательные для мошенничества признаки: причинение имущественного ущерба собственнику (владельцу), обращение имущества в свою пользу или пользу третьих лиц и корыстная цель. Кроме того, в соответствии со ст. 1151 подлог при займе влёк более суровое наказание, чем мошенничество.

Положения некоторых памятников древнерусского и дореволюционного уголовного законодательства охватывали собою гораздо более широкий круг мошеннических действий, чем ст. 159.1 действующего УК РФ. К примеру, с учётом того, что ст. 1688 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. предусматривала ответственность за обман для побуждения к заключению невыгодной сделки путём умышленного сообщения заведомо ложных известий об определённых обстоятельствах [9, с. 753], в данном случае речь шла об

обмане в рамках любых обязательственных отношений, а вовсе не только в рамках обязательств заёмных и тем более кредитных. Более общий характер, чем ст. 159.1 УК РФ, носила и ст. 174 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, устанавливающая ответственность за выманивание денег или вещей путём сообщения ложных известий под видом выгодных предприятий или иным мошенническим образом (п. 3) [10, с. 78].

Во многие периоды развития российского уголовного законодательства правовой основой для противодействия мошенничеству в сфере кредитных и заёмных отношений служили нормы общего характера, предусматривающие ответственность за хищение как таковое (включая мошенничество) либо за хищение в форме мошенничества (п. 5 Именного указа «О суде и наказаниях за воровство разных родов и заведении работных домов во всех губерниях» от 3 апреля 1781 г. [11, с. 848], ст.ст. 187 и 188 УК РСФСР 1922 г. [12], ст. 169 УК РСФСР 1926 г. [13], ст.ст. 93 и 147 УК РСФСР 1960 г. [14, с. 68-69, 91]).

Отсутствие в ранее действующем уголовном законодательстве норм, подобных ст. 159.1 УК РФ, не может быть объяснено недифференцированным подходом отечественного правотворца к уголовно-правовой оценке хищений вообще и мошенничества в частности. Напротив, линия на дифференциацию ответственности за подобные деяния в российском законодательстве прослеживалась вполне явно, о чём свидетельствует широкое применение для ранжирования уголовно-правовых последствий привилегированных обстоятельств (ст. 176 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, абз. 3 ст. 591 Уголовного уложения 1903 г. [15, с. 279]) или квалифицирующих признаков (ст. 1671 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., ст.ст. 595-597 Уголовного уложения 1903 г. [15, с. 281], ч.ч. 2-3 ст. 93 и ч.ч. 2-3 ст. 147 УК РСФСР 1960 г. [14, с. 69, 91]). К примеру, в соответствии со ст. 1671 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных наказание за мошенничество повышалось на одну степень, в том числе при осуществлении особых приготовлений с целью совершения мошенничества (п. 3), или когда виновный выдавал себя за чьего-либо поверенного или служителя, или присвоил себе ложное имя (п. 7) [9, с. 732]. К сожалению, указанное не было учтено современным законодателем, который никак не фиксирует повышенную общественную опасность хищения кредитных средств, совершаемого с использованием поддельного документа или чужого имени.

Обращение к истории развития российского уголовного законодательства позволяет нам обнаружить ещё несколько норм, на которые современному законотворцу действительно стоило обратить внимание в целях оптимизации противодействия общественно опасным проявлениям недобросовест-

ности в кредитно-заёмных отношениях, например, заключению уполномоченными лицами кредитных учреждений или руководителями торговых организаций, иных предприятий кредитных договоров от имени клиентов или работников без их ведома; систематическое занятие предоставлением кредитов и займов на крайне обременительных для заёмщиков условиях. Для борьбы со сходными деяниями были в своё время предназначены соответственно ст. 23 гл. XX Соборного уложения и ст. 180.3 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Так, первая из упомянутых статей предусматривала уголовную ответственность в виде битья кнутом за составление кабал «воровски заочно подставою» [7, с. 106], т.е. за умышленную замену имени похолопленного именем человека, похолопление которого подпадало под запрет [7, с. 321], тем самым потерпевший незаконно, без его согласия оказывался в кабале. В свою очередь, в ст. 180.3 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (в редакции 1914 г.), устанавливалась ответственность за занятие в виде промысла предоставлением денежных ссуд сельским обывателям на чрезвычайно обременительных условиях [16, с. 66-67]. На наш взгляд, действующий уголовный закон недооценивает повышенную общественную опасность подобных посягательств, не принимая, в частности, во внимание факт причинения вреда наиболее уязвимой части заёмщиков либо одновременное причинение вреда как кредитной организации, так и её клиенту (либо работнику предприятия, торговой организации).

Думается, внимания современного законодателя заслуживают и положения дореволюционных законодательных источников, признававшие привилегированным обстоятельством для составов мошенничества совершение хищения в состоянии крайней нужды. Так, согласно ст. 176 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, наказание за выманивание денег или вещей (п. 3 ст. 174) могло быть уменьшено на половину, если: 1) виновный добровольно возвратил украденное хозяину, 2) деяние совершено по крайности и неимению никаких средств к пропитанию и работе и 3) если цена похищенного не превышала 50 копеек (ст. 171) [10, с. 75]. Похожее законоположение содержалось и в арт. 195 Артикула воинского 1715 г., предусматривающем снижение уголовной ответственности за воровство продуктов питания или иных вещей незначительной стоимости «из крайней голодной нужды» [17, с. 363]. В отличие от обстоятельств, описываемых в ч. 1 ст. 159.1 УК РФ, подобные признаки действительно указывают на пониженную общественную опасность мошенничества по сравнению с хищением, совершённым в отсутствие такого рода условий.

Таким образом, осуществлённую в ноябре 2012 г. дифференциацию уголовной ответственности за кредитное мошенничество вряд ли можно признать

исторически обусловленной, так как появление ст. 159.1 УК РФ не является восстановлением необоснованно прерванной преемственности либо возвращением к какому-либо проверенному временем законоположению, рассчитанному на те же условия, в которые принята и рассматриваемая норма.

Литература:

1. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование. В 2 ч. – М.: Изд-во СГУ, 2006. – 656 с.
2. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В.Л. Янин. – М.: Юрид. лит., 1984. – 430 с.
3. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. – М.: Олма-ПРЕСС Образование, 2005. – 831 с.
4. Лоба Е.В., Якушев А.Н. Русская правда о наказаниях за преступления против собственности // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки. – 2009. – № 11. – С. 95-99.
5. Отечественное законодательство XI-XX веков: Пособие для семинаров. Ч. I (XI-XIX вв.) / Под ред. проф. О.И. Чистякова. – М.: Юристъ, 2000. – 464 с.
6. Титов Ю.П. Хрестоматия по отечественной истории государства и права. – М.: Проспект, 1997. – 472 с.
7. Соборное уложение 1649 года: текст. Комментарии / Под ред. А.Г. Манькова. – Л.: Наука, 1987. – 448 с.
8. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма / Отв. ред. Е.И. Индова. – М.: Юрид. лит., 1987. – 528 с.
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Издано Н.С. Таганцевым. – СПб., 1892. – 800 с.
10. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений на коих они основаны, изданные государственною канцеляриею. Второе дополненное издание. Ч. IV. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. – СПб.: В Типографии Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. – 208 с.
11. Законодательство Екатерины II. В 2 т. Т. 2 / Отв. ред. О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. – М.: Юрид. лит., 2001. – 984 с.
12. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1922 года // Юридическая Россия: федеральный правовой портал. – URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241523> (дата обращения: 10.01.2016).
13. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года // Юридическая Россия: федеральный правовой портал. – URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241189> (дата обращения: 10.01.2016)
14. Уголовный кодекс РСФСР: с изменениями и дополнениями на 1 февр. 1987 г., с постатейными материалами. – М.: Юрид. лит., 1987. – 464 с.
15. Маргулиес М.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. – СПб.: Тип. «Труд», 1904. – 488 с.
16. Свод законов Российской империи: Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. – Волгоград: Изд-во Волгогр. юрид. ин-та МВД РФ, 1996. – 92 с.
17. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А.Г. Маньков. – М.: Юрид. лит., 1986. – 512 с.

Criminal Liability for Fraud in Lending under the National Law: Historical Aspect

S.M. Mkrtchian
The Volgograd State University

The article deals with results from the analysis of evolution of the national criminal legislation, defining the bases and bounds of the criminal liability for credit fraud. The conclusion is made concerning the absence of historical and legal prerequisites of introduction of clause 159.1 to the Criminal Code of the Russian Federation. Provisions of national regulatory legal acts of various periods, which the legislator should pay attention to in order to refine differentiation of the criminal liability for the fraud in credit sphere, are given.

Key words: loan relations, lending, fraud, fraud in lending, historical and legal prerequisites, legacy of the Old Russian and prerevolutionary legislation.